

ГРИГОРИЙ
НЕДЕЛЬКО

ТЫ
ЕСИ!..

Писатель — своего рода бог внутри собственных текстов. Ты придумываешь мир, героев и сюжеты, ты вдыхаешь в них жизнь, ты показываешь их читателям... И ты и твой талант — часть полученных от настоящего Бога знания и умения. Книга — одна из возможностей поделиться, образно говоря, собой, своими внутренней и внешней вселенными. Это же относится и к данному сборнику. Представленные здесь рассказы разных форматов и различных направлений затрагивают зачастую научно-фантастические или близкие им идеи. Однако в той же степени тексты «играют» на полях, не очень близких т. н. *speculativefiction*, то есть, наоборот, скорее, относятся к фэнтези или чему-то к нему приближенному.

Григорий Неделько

Ты еси!..

Мёртворождающий

Станицкий проснулся с идеально чётким и до дрожи холодным чувством, что он — в абсолютном одиночестве. И ладно если бы он был на Земле: весьма сомнительно, чтобы всё её население вмиг вымерло, тем самым заставив погибать изгоем. Нет, Станицкий лежал в кровати в одной из десятков тысяч кают на межпланетной станции «Вавилон — 15». Кто-то скажет, что и миллион выходцев с разных планет Системы АО (Альфа — Омега) вряд ли куда-нибудь денется. Однако... как игнорировать предчувствие, да ещё такое кристально прозрачное?

А оно, то морозное ощущение в груди, смесь потерянности, безнадёжности и непонимания, может, и не крепло от секунд, но и не ослабевало. В общем, Станицкому творившееся совершенно не понравилось.

Он отдал мысленный приказ блоку управления каютой, и одеяло откинулось. Пока Станицкий, с помощью скрытых автомеханизмов, умывался и одевался, спальня заправила и отгладила кровать, подмела пыль, обновила цветы в

вазе (для красоты и уюта) и сбрызнула помещение смесью бодрящих, улучшающих настроение и повышающих мозговую активность ароматических веществ.

Докопавшееся незваное одиночество, да притом какое-то странное, не отпускало и когда Станицкий покинул каюту, позволив ей самостоятельно отключить все ненужные приборы, погасить везде свет и запереть дверь на e-замок.

«Что же происходит? — думал Станицкий, вышагивая по металлически хромированному коридору-аллее между дверями других кают. — Или ничего?»

Мысль крутилась и крутилась, отыскивая новые факты, пытаясь объяснить их, выстроить правдоподобную систему. И очевиднейшее пришло на ум, только когда Станицкий приблизился к лучелифту: в коридоре больше не было ни человека, что означало, ни единого разумного существа! Никто не ходил, не ползал, не летал и не передвигался иным способом. Но где же венериане, марсиане, плутонцы и альфанцы? Где и другие?...

Станицкий взглянул на часофон — тот показал «9:52». Без восьми минут десять, и никто не проснулся?! Извините, не поверю!

Соображая, что делать дальше, Станицкий провёл рукой рядом со считывающей пластиной светолифта, и тот мгновенно прилетел сюда, на

27-й этаж, после чего приглашающе раздвинул дверцы. Станицкий вошёл внутрь, дал команду везти вниз, к III столовой, а сам между тем задумался крепче. Вдруг и в столовой он никого не обнаружит? Сомнительно, но... но почему, чёрт возьми, коридор оказался пуст?!

Сознание подсказало пару вариантов. Первый: ночью дали тревогу, приказывая покинуть станцию. А что? Вполне вероятно. Только ведь сирена должна была разбудить и Станицкого. Отчего же не разбудила? Нет, не то; он отбросил эту версию.

Лифт снова «распахнулся», и Станицкий направился к круглосуточно освещённым приятными светло-голубыми огнями дверям столовой № 3.

Второе предположение, размышлял он на ходу, это какой-то трюк, дурацкий розыгрыш, шутка остальных над ним или кого-то над остальными и им. Тем не менее, опять возникает вопрос: как вышло, что среди исчезнувших нет Станицкого? Нечто или некто помог ему, спас, сохранил? Трудно рассуждать, особенно если категорически не хватает данных.

Двери столовой не открылись при его приближении. Так-та-ак...

Станицкий толкнул на 90 % стеклянные прямоугольники, но те упорно желали оставаться закрытыми. Тогда он подналёг, надавил плечом,

ударил им между дверями. Не помогло. Он постучал кулаком, в надежде или привести открывающий механизм в действие, или привлечь чьё-нибудь внимание. Увы, станция оставалась столь же пустой, холодной и безжизненной, сколь и раньше.

Все куда-то подевались; ладно, это он понял. Но что теперь, голодать из-за чьей-то — чужой — прихоти? Станицкий хмыкнул и тут вспомнил про «чёрный ход».

Обходя столовую по кругу, он всячески старался не обращаться к минорным мыслям, то и дело лезшим к в голову. И всё же пришлось уступить им дорогу, когда выяснилось, что двери «чёрного хода», братья-близнецы хода обычного, тоже заперты и изо всех сил противятся тому, чтобы их отворили.

Ситуация становилась интереснее — и более нервной. Станицкий постоял, пожевал язык, погонял в голове мысли. Двери заклинило? *И те, и другие?* А может, сбой в системе управления? А может, часть трюка, розыгрыша, аварийной ситуации? Варианты множились, словно микробы, попавшие в благодатную среду.

И что теперь? Ну не возвращаться же в каюту — смысл? Значит, надо продолжать поиски, или, лучше сказать, исследование. Придётся побродить по «Вавилону», глядишь, на кого-нибудь наткнётся.

Станицкий ступил на автолестницу; она не двинулась с места. Новая поломка и очередная странность. Станицкий преодолел сотню заклинивших (так ли это?) ступенек и вышел в гранд-фойе, иначе называемое Висячими садами, разумеется, в честь знаменитого чуда света. Осмотрелся, и сперва ничего необычного не привлекло его внимания.

Идя по большим полупрозрачным светящимся квадратам, цветным сегментам огромного пола, взгляд Станицкого привычно скользил по стенам, увитым сверхкачественными и супер-реалистичными растениями, по мини-водопадам, ручейкам, фонтанам и маленьким гейзерам (в основном специально сделанным холодными), по ненатуральным, однако не менее прекрасным, чем натуральные, цветам в горшках, прикреплённых к толстым кольцам в потолке толстыми же цепями... Через трёхметровые стилизованные окна вливался приятный, смодулированный компьютерами свет. Всё было так — но что-то, что-то определённо было *не так*. Что?

Ответ подсказал ближайший фонтан. Станицкий подошёл к нему, чтобы удостовериться: ошибки нет. И ошибки не было — фонтан работал, вода лилась из загибающейся псевдогляниной трубы сверху, попадала в ёмкость из того же

материала внизу, но скапливалась там. Водоотвод не функционировал.

Станицкий проверил соседний фонтан. То же самое: вода льётся, набирается, а её избыток не откачивается. Значит, повреждён насос либо система, связанная с водооттоком. Либо (хотя Станицкий не хотел даже думать о такой возможности, в его ситуации следовало рассматривать всякую возможность) выведена из строя регулирующая система станции. То есть «нервный центр» всех механизмов, аппаратов, агрегатов, роботов и т. д., и т. д. работает с серьёзными сбоями или не работает вовсе. Подобная перспектива отнюдь не радовала.

Во-первых, это может означать дальнейшую полную дестабилизацию внутреннего и внешнего самоуправления «Вавилона», что попросту убьёт космическую станцию. А следом и, похоже, её единственного постояльца, когда перестанет гореть свет, когда нельзя будет ни помыться, ни сходить в туалет, когда испортятся или кончатся продукты в холодильнике и негде и нечем станет питаться, когда автовентиляция прекратит выработку и приток кислорода и, в конце концов, спровоцированные кучей сбоев, неполадок и поломок, полетят к чёрту прогнозёр вращения, корректор местоположения и герметизатор... Станицкому, так ли, иначе ли, предстояло умереть.

Разница была лишь во времени: через несколько дней или неделю на станции или чуть позже, если дотерпит, если домучается, в более холодном, чем самая лютая зима, бессветном и беззвучном желудке космоса.

От этаких перспектив захолонуло в груди.

«Стоп. Отставить панику, — приказал себе Станицкий. — Ничего ещё не случилось, и, бог даст, не случится. Нужно действовать».

Действовать, да. Но каким образом?

Чтобы проверить догадку, Станицкий поспешно добрался до середины Висячих садов и, коснувшись сенсорной панели, вызвал лифт вниз, к Большому и Малому круговым обзорным аквариумам. В планы Станицкого не входило наблюдать за водоплавающими — рыбами, лягушками, тритонами, дельфинами — и их виртуозными эрзац-заменителями. Если поражена центральная система, то и аквариумы обратятся в неподвижность; живые, обитающие в водной среде создания один за другим умрут, механические будут двигаться, пока не кончится топливо или заряд, а вода начнёт застаиваться и загрязняться. Конечно, всё произойдёт не сразу, но определённую тенденцию удастся, несомненно, проследить уже сейчас.

Этим планам судьба также не дала возможности осуществиться: подъёмник застрял

наверху. Станицкий потыркал сенсокнопки — без толку.

Внезапно, повинувшись порыву, он вновь взглянул на часы и вывел на микроэкран сегодняшнюю дату. 12 сентября 2658 года, по земному летоисчислению. 12 сентября?! Но он ложился спать поздним вечером 10-го! Не хотите ли вы сказать, что он проспал тридцать с половиной часов!? Нет, вот это точно бред! Быть того не может. Вероятно, это «следующий по списку» сбой.

Станицкий покопался в настройках часофона и не нашёл никаких, кроме необычной даты, странностей. Мгновенно вернулось чувство потерянности, ледящего дыхания неизвестной надвигающейся беды, бесконечного и безысходного одиночества.

Станицкий выругался, оставил часы в покое и уверенно зашагал к светолифту, «спрятавшемуся» в гладкой металлической трубе слева от придуманной дизайнерами эклектичной лиственно-хвойной рощицы искусственных растений. Ну, если и лучелифт откажется его везти...

Повезло: лифт работал. Станицкий отдал приказ доставить его на верхний, пятидесятый этаж. Именно там располагалось сердце станции — тот самый центр, поражение которого грозило Станицкому неминуемой и кошмарной медленной смертью.

«А ведь если догадка верна, — думал он, — связаться с Землёй не получится. И тогда все беды, все «за» и «против», все возможные последствия, заодно с крайне маловероятной славой и гораздо более ощутимыми промахами, станут целиком и полностью моей *заслугой*».

Что и говорить, настолько великую ответственность не взял бы на себя, пожалуй, и главный смотритель «Вавилона — 15» Немов.

Дверь с символикой станции — помещённая внутрь квадрата, красного по периметру и белого внутри, жирная чёрная буква «V», — нужная ему дверь в рубку, не открывалась. Заперта. Станицкий подёргал ручку, побил плечом в неподдающийся прямоугольник; напрасно.

В процессе этих бесполезных действий ум озарила догадка. Если даже центральная система и выведена из строя, то не полностью! Двери в столовую и платформа в Саду не функционировали, да, но вместе с тем превосходно, без сбоев и прочих неожиданностей, действовали оба гравифта, на которых передвигался Станицкий.

На сердце сделалось не столь волнительно. Некая фора у Станицкого имелась, неплохо бы знать, правда, какая. И хорошо, если создавшаяся ситуация не означала совсем уж непредсказуемое развитие тотальной дезорганизации систем «Вавилона».

Пока Станицкий привычно предавался мыслям с явным оттенком печали и неудач, мимо, тихо жужжа колёсиками, проехал робот — доставщик еды.

Доставка еды? *Сейчас* ? Но кому?!

Безусловного, иного выбора у него было, и Станицкий двинулся вслед за роботом. Коридоры петляли, поворачивали и разветвлялись, пока не привели к массивной высокой одностворчатой двери. Робот, не обращая на человека ни малейшего внимания, извлёк из хранилища на животе (второе размещалось на спине) магнитный ключ. Вытянул состоящую из титановых сочленений руку, коснулся карточкой подсвечиваемой оранжево-жёлтым области и задействовал открывающий механизм. Неспешно, будто при замедленной съёмке, громадная дверь въехала в метровой толщины стену без малейшего звука.

Робот убрал ключ обратно, развернулся и укатил назад по коридору — судя по всему, той же дорогой, что привела его сюда.

Станицкий с опаской и недоверием смотрел на манящий разверстый зев дверного проёма. Туда, внутрь? Хм, а как по-другому-то? Да и к чему сейчас сомнения? Глубоко вдохнув, Станицкий переступил порог. Дверь, намекая на своё присутствие не шумом, но движением, закрылась за его спиной.

Станицкий стоял посреди лаборатории. Вход сюда был строжайше запрещён. К тому же, насколько он знал, учёным, что трудились здесь, не разрешалось появляться без защитного костюма. Станицкий огляделся в поисках защиты. Крюки, где она висела, нашлись, только вот все они пустовали.

Чтобы проверить мысль, вдруг его посетившую, Станицкий повернулся ко входной двери. Ну конечно, альтернативного способа отворить этого гиганта нет: или карточкой, или никак. Со всей, окончательной отчётливостью Станицкий понял, что попал в западню. Выяснить бы ещё, кем и для чего подстроенную. Неужели он настолько важная птица? Хотя из разумных существ он один находился на станции, и из этого следовало... А что следовало? Объяснения не вырисовывалось. Каждой из полудесятка версий, промелькнувших в мозгу Станицкого, не хватало не только деталей, но порой и целых, здоровенных кусков.

Зашипев, точно усталая змея-гигант, сама собой открылась дверь в комнату напротив. Сквозь толстое пуле- и лазеронепробиваемое стекло Станицкому удалось разглядеть лишь часть лабораторного стола да край какого-то тёмно-коричневого объёмного предмета, стоящего на нём. Что ж, надо идти до конца. Станицкий

ступил внутрь комнаты.

Вторая дверь закрылась, отсекая путь назад. Чудесно!

Стараясь не думать, в какое положение попал и как из него выбираться, Станицкий осмотрелся. Пустая лаборатория: освещение сверху и по бокам; непрозрачный, со множеством отсеков шкаф вдоль одной из стен; длинный широкий стол; и предмет на нём. Станицкий автоматически сделал шаг вперёд. Предмет... это был метеорит. Во всяком случае, он выглядел как настоящий метеорит очень малого размера либо же только часть путешествующей по вселенной глыбы. Разум подсказывал: стоять вот так запросто, без защитного костюма, поблизости от космической находки непонятого происхождения и вида — совсем небезопасно. Тотчас на этот глас откликнулся другой: а разве есть выбор?

Минуту или около того Станицкий не двигался с места, погружённый в сомнения. Одновременно с тем он рассматривал метеорит — или что это было? Тёмно-тёмно-коричневая порода, твёрдая, с многочисленными щербинами, сколами, дырками. И, кажется... Да! Несомненно, на поверхности камня (Станицкий решил называть его так) наблюдалось некое движение. Пересилив страх, игнорируя предупреждающие сигналы разума и интуиции, он протянул руку и кончиками

пальцев коснулся предмета на столе.

Вначале ничего не произошло: просто Станицкий почувствовал концентрированный холод, исходящий от камня, — и всё. Потом же, ментально ворвавшись, застигнув врасплох, возникло и стало развиваться *воздействие*. Концы пальцев будто приклеились к поверхности предмета, приморозились; так прилипает язык к металлическим качелям зимой — казалось бы, несильно, а не отдерёшь. Ощущение жуткого холода пропало. Оледенение тем временем передалось в пальцы, после — в руку, затем стало распространяться по всему телу. Станицкому почудилось, что его пленила незнакомая никому из людей, неназываемая сила; пленила с некой *определённой* и *бесконечно чуждой* целью, осознать которую, сейчас, по крайней мере, не представлялось возможным.

Станицкий открыл рот. Позвать на помощь? А к чему стараться? Он ведь один, абсолютно один на застывшей посреди галактического простора, сходящей с ума станции. Или *уже сошедшей*? Как бы то ни было, Станицкому не удалось произвести ни звука: ни слова, ни междометия; ни мыкнуть, ни рыкнуть.

В глазах поселился ужас. Сердце истошно забилося. Он дёргался, пытаясь освободиться, куда чужая сила не сломала его вконец. Тогда он

застыл.

А следом *картины* наполнили его разум...

...Некая пузырчатая, губчатая грязно-оранжевого цвета масса. Она увеличивается, она растёт, она двигается...

...Незнакомая планета — не Земля и ничем на Землю не похожая. Широченное и длинейшее поле неподвижного песка. На песке лежат такие вот «метеориты»...

...Постоянно растущая и неизменно движущаяся губка пересекает километры и километры, небыстро, но уверенно, методично, неостановимо...

...Вот губчатая масса на поле. Вот она распадается на части, и части зарываются в песок, засыпают себя им...

...Проходит какое-то время, и «метеориты», сами по себе, будто крохотные ракеты, взлетают вверх. Они несутся дальше и дальше, пока не вылетают за пределы атмосферы, а далее и орбиты, чтобы в итоге выбраться в «свободный» космос...

...Между тем губка, зарывшаяся в странно бездвижный песок, затвердевает и обращается... в те самые «метеориты»!..

...Камни кружатся по Вселенной, парят внутри неё, по ней, через неё. Среди настоящих метеоритов, рядом с ними и в обход них...

...А вот... да это же «Вавилон — 15»!

Смотритель станции замечает странный предмет, врезавшийся в бок гигантского вращающегося цилиндра — места обитания и работы миллиона разумных созданий. Отдаётся приказ доставить предмет на борт...

...«Метеорит» в лаборатории. Люди удивлены, восхищены, они задают друг другу вопросы, выдвигают теории. Но всё мигом прекращается, когда с «камнем» начинаются изменения.

Да, «метеорит» меняется, смягчаясь, растягиваясь и увеличиваясь! Он превращается... в ту губчатую пузырчатую массу, из которой родился! Масса становится больше и больше, распространяется дальше и дальше. Люди, что касаются её, застывают на месте, будто парализованные. Масса открывает двери или ломает их, или проходит сквозь них.

Все спасаются бегством, кричат, сталкиваются, мешают каждый другому. Раздувшаяся масса, перекрывая проходы, распространяется повсюду, ползёт, скользит, течёт, настигая жертвы. Опять крики и вопли, масса поглощает и изменяет. Коридоры целиком «обиты» ей, но она продолжает расти. Захвачены отсеки, сектора, палубы!

И вот уже изменения постоянно, ни на секунду не прекращаясь, происходят со станцией и

её «населением». Один человек, коснувшийся пузырячатой массы, превращается в часть стены — в кусок титана, что сливается со стеной и, таким образом, исчезает из виду. Сломанная дверь, напротив, не замирает, но двигается, превратившись в эту кошмарную губку.

На станции творится ужас, где смерть перемешивается с рождением, холод — с теплом, живое — с неживым. И всюду — отдающие желтизной оранжевые пузыри, пузыри, пузыри!

«Эта масса, она — живой материал!» — проникает в сознание Станицкого помимо воли последнего. Вернее, она обладает всеми свойствами живого, кроме одного, самого главного, — *жизни*. Масса — материя без каких-либо чувств, всё равно что земной камень, однако она умеет двигаться, размножаться... и превращать в себя других! Она — мёртвое движение, жизнь без жизни, живая смерть. Мёртвородящее.

Под её воздействием горячая и хладная плоть разумных и неразумных существ станции становится металлом, пластиком и деревом, светом и тьмой, космосом и воздухом. А те — обращаются людьми и животными, трубами и проводами, лазерными пушками и сложнейшими механическими системами. Это — воплощённое сумасшествие, но ещё на порядок выше. Безумие-в-себе. В квадрате!..

...Станицкий задрожал, задёргался. Масса позволила ему упасть на колени и завалиться набок.

Корабль изнутри и снаружи претерпевал наиболее неизъяснимые и неопишуемые из когда-либо творившихся с ним и его обитателями метаморфоз.

«Зачем... я... тебе? — чувствуя, что масса объединяется с ним, но не до конца, что она видит и слышит, и ощущает его насквозь, что ей доступны его мысли, выдавил из спутанных мыслей погружённый в полузабытьё Станицкий. — У тебя... уже есть... «Вавилон». Зачем... тебе... я?»

Ответ пришёл не сразу: массе некуда торопиться. А когда она всё-таки ответила, это расставило по местам последние кусочки паззла, внеразумной, внесистемной, внеживой и внемёртвой головоломки.

«Мне нужен хороший капитан и достоверный посланец».

«Достоверный!» Это слово привело Станицкого в поистине беспредельный ужас. Достоверный! Тот, кому *верят!*..

Впрочем, масса-хозяин тут же погасила недозволенные, лишние чувства и посылы индивидуальности. Спустя миг Станицкий, безразличный к чему бы то ни было, превратившийся в часть инопланетной праматери, в иномирного праотца, а может, наоборот, вернув

себе истинные облик и сущность, продолжил движение к цели.

Планета, где родилась масса-повелительница, не была её родной. И немедленно требовался новый галактический шар-носитель, поскольку тот выжат до капли.

У станции появились впечатляющего размера сопла, попросту взялись из ниоткуда — точнее, из материи и воли губки-вируса. Станция-корабль стартовал. Станицкий регулировал процесс, масса производила необходимые перемены.

Космос знал тайну.

Тогда как *там*, на мониторах следящих, — по-прежнему гудящий, галдящий, обычный и знакомый «Вавилон — 15». Где всё на местах, где всё как надо и как было.

Космос ждал своего часа. Он знал.

А Земле ещё только предстояло узнать.

(Октябрь 2015 года)

Хохот Ведающего

*Посвящается музе
воображения и
фантастики
Имагинации.
Viva, Имагинация!*

Град больше походил на Армагеддон, только вместо горящих метеоритов — круглые льдины сантиметров 5-10 в диаметре. Хьюстон и Ник поспешили спрятаться под деревом-щитом прежде, чем им размозжит головы. Лететь за миллионы километров, чтобы подтвердить звание лучших в Галактике планетарных детективов, — и так нелепо погибнуть. Нет уж!

Дерево допустило их к своему деревянному сердцу и раскрыло большие и жёсткие блюда-щиты, благодаря которым и получила название. Тарелки — плотные и слегка пружинящие — отбивали яростную атаку застывших слёз Бога. Хотя на Планете Бурь предпочитали другое имя: Ведающий.

— Не больно-то божество заботится о подданных, — саркастически заметил Хьюстон.

Ник буркнул в ответ, что и на Земле Господь не особо щадит детей своих.

— Согласен, — неохотно признал Хьюстон. И

тут же добавил: — Но не наша родина, а именно это галактическое тело, пятое по счёту от звезды Глаз Орла, получила название Планета Бурь.

Ник покивал.

— За всю практику впервые встречаюсь со столь вредной планетой.

— Как будто, — пользуясь тем, что делать нечего, пустился в размышления Хьюстон, — шар не хочет, чтобы на нём кто-нибудь жил, и всеми силами выпроваживает незваных обитателей. Словно болезнь выводит.

— Или убивает, — подсказал Ник.

Да, местный климат не чурался и убийств, причём частых и обыкновенно в колоссальных масштабах.

— Удивляюсь, как нам удалось спуститься на ховеркаре с космического курсора и выжить. — Хьюстон сплюнул.

Действительно, удача им улыбнулась, и в течение часа, когда они покинули курсор (то есть курсирующий корабль) и спускались на землю, яростная природа их не потревожила. Больше того, даже порывы ветра не усилились. Зато теперь, кажется, погода проснулась от внезапного сна и принялась за обычные игрушки.

Хотя существовала и версия, что всё всерьёз, и у планеты — сколь бы фантастично это ни звучало — есть собственные причины вести себя

нагло, агрессивно и разрушительно. С одной стороны, подобное предположение — полнейшая глупость, и этот вариант поддерживало около 50 % учёных. Ну а остальные 50 % сомневались (учёные же!). Потому и было принято решение отправить лучших из лучших, а следовательно, и самых живучих экспертов для установления истинной причины суперкатаклизмов. Выяснится, что дело — швах, местное население попросят освободить планету, да и вряд ли сами люди расстроятся. Получат иной итог — значит, придётся искать альтернативное решение, возможно, подключать планет-психологов, последователей знаменитого Арнольда Майкла Сетона.

— Когда-нибудь, — сказал Хьюстон, — я дослужусь до звания начальника Службы Планетарных Расследований.

— Для чего? — не смотря на Хьюстона, а поглядывая между листьями-щитами на постепенно редющую канонаду льдин, с вялым интересом спросил Ник. — Бабла чтоб больше получать?

Хьюстон рассмеялся.

— Конечно, и это тоже. Но больше — чтобы чувствовать себя в безопасности и посылать других с заданиями на суицидально настроенные планеты.

— Суицидально или маниакально, — поворачиваясь, уточнил Ник.

— Или как-то ещё.

— Угу.

— Что там с градом? — осведомился Хьюстон и сам глянул между гигантских листьев. — Почти закончился. Надеюсь, не возобновится.

Ник молча вытащил из-за спины крепившийся к поясу раздвижной отражатель. Нажал кнопку, и раскрылось похожее на зонт устройство, сделанное из сверхпрочного искусственного металла, случайно полученного во время экспериментов по упрочению титана. Хьюстон активировал свой отражатель. Ник кивнул на дорогу, и они быстрым шагом вышли из-под дерева, щиты которого один за другим закрывались и уходили на толстых стеблях вниз, прижимаясь к стволу, напоминаяшему разбухший секвойный.

До поселения — полкилометра. Безусловно, отражатель поможет в начале сильнейшего града или в его конце, защитит он и от среднестатистической жары или от проливного дождя, но рисковать не стоило, потому что любое бедствие мощнее лишит детективов не только успешно выполненного задания и денег, но и жизни.

— Такие путешествия, — хмуря квадратное белое лицо, на ходу заговорил Ник, — навевают мысли о прабабке.

— А что с ней? — не отставая, поддержал разговор негр Хьюстон.

— Да ничего особенного. Люди затравили.

— За что? И как?

— За что — за собственное мнение. Как — как обычно: скрытые намёки на всякие ужасы; рассказы об умирающих и умерших полушёпотом, когда она спала в соседней комнате; нервирование словами и действиями...

— А, ну да.

— А если «ну да», к чему вопрос?

— Была надежда услышать что-нибудь другое.

— Ты же сам человек — к чему иллюзии фантаста?

— Фантаста? В наш-то век? Очнись!

— И всё ж?

Хьюстон пожал плечами.

— Когда-то и путешествия на другие планеты казались иллюзиями. И наша профессия, кстати.

— Это наука. А это — человеческая суть. С чего бы она переменялась, если миллионы лет остаётся неизменной?

— Надежда есть всегда.

— А-а. Тогда теперь я скажу «ну да».

— А потом, кто знает: вдруг мы нынешние — хотя бы ненамного, хоть на сотую долю процента лучше нас прежних.

— Надежда есть всегда.

— Вот именно.

Следуя неширокой петляющей тропкой, промятой колёсами каров и протоптанной человеческими ногами, они направлялись в самое большое из близлежащих поселений. На Планете Бурь, по понятным причинам, не было крупных городов — их бы смыло раньше, чем строители успели закончить работу. Худо (по сравнению с той же Землёй) обстояли дела и с инфраструктурой и механизацией.

— Смотри! — Хьюстон внезапно замер на ходу и указал вниз пальцем.

Ник тоже остановился и глянул, куда тычет негр. Выдаваясь сантиметров на 15–20, из земли выглядывал огромный, около полуметра в длину, испещрённый канальцами и дорожками, микросхемами и проводами, чип.

Ник присвистнул.

— Так это правда. А я до последнего не верил.

— И я тоже.

Хьюстон осторожно коснулся чипа носком ботинка из кожи специально выведенного клонированного аллигатора. Ничего не произошло.

— Зачем они здесь? — озвучил он вопрос, что занимал и Ника.

— Кто б знал. Если даже мы с тобой считаем их сказкой, простому населению они наверняка кажутся чем-то гораздо более сверхъестественным.

— Если только местные чего-то не

замалчивают.

— Не замалчивают или не врут. В частности, для того чтобы вызнать это, мы и прибыли сюда, помнишь?

— Как забыть. Но всё-таки! Чипы размером с булыжник. Кто, когда и почему их врыл в землю — неизвестно.

— «О сколько нам открытий чудных!..» — скучающим тоном процитировал Ник. — Да мы уже пришли. Вон нас и встречают.

Ник склонил голову в вежливом приветствии.

Высокий плечистый и мускулистый мужчина лет сорока с белыми волосами тоже поклонился. Тут все были беловолосыми: мужчины и женщины, старики и дети... да что там, вплоть до новорожденных! Внушительные рост, комплекция и адское здоровье тоже доставались аборигенам с рождения. И совсем не зря, учитывая капризы и своеволие местного климата.

— Ар'Жух, — представился встречающий, слегка порывая и чуть округляя звуки.

Ник с Хьюстоном назвались.

— Пойдёмте, — сказал Ар'Жух затем, — я отведу вас к вождю.

Пока они шли мимо в основном одно- и двухэтажных домиков, грудастые двухметровые дамы, их ещё более рослые мужья и жилистые костистые дети — каждый: с ослепительной

снежной шапкой волос, — не скрывая любопытства, разглядывали новоприбывших.

«Как думаешь, они нам рады?» — шепнул по телепатеру Хьюстон.

«Думаю, у них нет выбора», — в своей манере отвечивал Ник.

«А серьезно?»

«Ну а если серьезно, мы же прилетели помочь. Уж за это-то они нам точно признательны».

И следовало не обмануть надежд коренного населения, потому что слава Союза Планетарных Детективных Агентств бежала далеко впереди собственно Союза. В данной же ситуации ошибка могла значить помимо ощутимого удара по репутации угрозу для жизни. Неверный, неосмотрительный шаг гостей Планеты Бурь — и от двух компетентных, умных детективов сохранятся лишь рожки да ножки.

Ар'Жух приподнял полог широкого остроного шатра, и Хьюстон с Ником зашли внутрь. Ар'Жух встал у входа, с внешней стороны.

Вождь поселения писал что-то от руки, чернилами, с помощью высокого, пушистого и красиво расцвеченного пера неизвестной птицы. Завидев инопланетных гостей, он тут же отложил перо и встал из-за стола, явив грудь шире Ар'Жуховой и волосы длиннее, чем у встречавшего. Часть волос была завязана в косички

кожаными — надо полагать, натуральными — ремешками. Одежда практически ничем не отличалась от обычных, простых и естественных донельзя нарядов поселенцев, разве что её расцвечивали пёстрые буквы, символы и рисунки. Выглядел вождь на 55–60 земных лет.

— Во-Нав, — назвался он. И указал на свободные стулья справа и слева от его стоящего полукругом стола из натурального дерева. — Прошу садиться, дорогие гости.

Представившись и обменявшись рукопожатиями, детективы заняли предложенные места: Ник — слева, Хьюстон — справа.

— Очень рад, что вы почтили нас визитом, — вновь заговорил Во-Нав. — Честно признаться, ситуация на планете близка к критической. Хотя, стоит заметить, с недавнего времени — именно тогда, когда и начались странности, — многие из жителей перестали воспринимать Планету Бурь как родной дом.

— Не могли бы вы рассказать подробности, — попросил Хьюстон.

— Рассказывать придётся очень много — и одновременно крайне мало.

— Как так? — удивился Хьюстон.

Ник покуда молчал и слушал.

— Всё дело в погоде, — объяснил Во-Нав. — С недавнего времени — недели две-три назад —

она испортилась. Вы наверняка имеете представление о здешнем климате, а потому и представляете, что для нас, буритан, означает «испортилась». Некоторое время мы держались, думали, справимся сами, переждём. Но погода не то что не налаживалась — ухудшалась с каждым днём. А потом, как говорим мы, будто бы Ведающий потерял нас из виду.

— Климат сделался непредсказуемым, — кратко резюмировал Ник.

— Совершенно! — подтвердил Во-Нав. — Наши метеорологи полностью потеряли уважение в глазах остальных учёных и рядовых жителей. Ещё чуть-чуть, и нам, правящим единицам, придётся вообще отказаться от их услуг, чтобы не дискриминировать себя тем, что держим на ответственных постах неумех. А вы попробуйте представить пост ответственнее метеоролога на планете, где всё — рождение, учёба, работа, жизнь и смерть — зависит от погоды.

Все помолчали.

— Любопытная ситуация, — закусив губу, наконец произнёс Ник.

— А можем мы пообщаться с одним из метеорологов? — поинтересовался Хьюстон.

— Конечно. — Во-Нав поднялся из-за стола. — Пойдёмте, я отведу.

Шатёр метеорологов располагался на другой оконечности поселения. Чтобы добраться туда, они воспользовались машиной Во-Нава, старой модели, обычным граунд-мобилем — без функций езды под водой либо под ней и полёта. Всего авто в поселении, на беглый взгляд, насчитывалось не больше четырёх-пяти десятков. Весьма непривычно — правда, по профессии Нику с Хьюстоном приходилось бывать на очень разных планетах. Эта, впрочем, казалась одной из страннейших: насколько неистовая и сумасшедшая по собственной своей природе, настолько и очаровывающая естественностью обитателей и их общества и законов, заметно приближенных к изначальным, если сравнивать всё с той же старушкой Землёй.

Внешне — массивной комплекцией, волосами цвета снега и шитой натуральной кожаной одеждой — метеоролог не походил на коллег с альма-матер космонавтов, однако прочим, включая круглые очки и въедливый характер, соответствовал им на 100 процентов. Звали его Пактан. Во-Нав познакомил землян и буританина и удалился, не желая мешать.

— Здесь вы видите график погоды за прошлый месяц. — Пактан показал рукой на экран компьютера древнего образца, схожий с современными разве только сверхплоским

монитором. — А тут климат нынешнего месяца. — Ещё один жест. — Как видите, разница колоссальная!

Хьюстон больше слушал, а Ник в это время разглядывал графики.

— Раньше подобное происходило? — спросил он.

Пактан уверенно покачал головой.

— Никогда. Нет, мы все годы, что прибываем на планете, живём словно при мировой войне. Но вы только посмотрите на графики — это же полный хаос! Погода не должна... нет, не может вести себя настолько...

— Нагло, — подсказал Ник.

— Да! — охотно согласился Пактан.

— И тем не менее, ведёт, — подвёл черту Ник.

— Увы.

— А что если, — заговорил Хьюстон и ткнул пальцем в первый экран, — что если дело не в погоде?

Наступила резкая, почти что абсолютная тишина.

— Простите? — переспросил Пактан.

— Да, поясни, — сказал Ник.

Тогда Хьюстон снова ткнул в экран № 1, а после в соседний.

— Сравните два графика. Если верить им,